

Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи

Юлия Альбертовна

ЗУБОК

Институт социально-политических исследований РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5

E-mail: uzubok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3108-2614

Владимир Ильич

ЧУПРОВ

Институт социально-политических исследований РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5

E-mail: chuprov443@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7881-9388

Аннотация. Представление о сущности труда во многом носит социокультурный характер, то есть обуславливается связью с определенным типом культуры. Поэтому в статье рассматривается социокультурный подход к саморегуляции образа труда. Саморегуляция образа труда исследуется во взаимосвязи с культурным пространством молодежи. С теоретических позиций феноменологической социологии обосновывается концепция социокультурных оснований конструирования молодежью образа труда, раскрывается процесс формирования культурного пространства, роль разных типов культуры в процессе образования смыслов, наполняющих характеристики образа и выступающих в качестве смысловых оснований соответствующих ожиданий молодых людей от труда. Такой подход способствует более адекватному пониманию формирования отношения молодежи к труду и противоречий, возникающих в этой сфере жизни.

Для цитирования: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14

For citation: Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Self-regulation of the image of labor in young people's cultural space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14

недеятельности. Основой конструирования образа труда является понимание молодежью его смысла. Обосновываются наиболее значимые характеристики условий формирования смыслов, отражающие изменения социальной реальности в современном обществе – социальную неопределенность, деструкцию нормативности, смысловую гибридизацию. Конструирование новых представлений молодежи о труде происходит посредством противоречивого взаимодействия традиционных и современных смысловых образцов. На основе данных социологических исследований анализируется связь различных характеристик образа труда с типами культуры, влияние терминальных и инструментальных ценностей в конструируемом образе труда на отношение молодежи к реальному труду. Механизм саморегуляции отношения к труду раскрывается как процесс реализации ожиданий, в доверии или недоверии к труду. Показана роль морально-психологического состояния молодежи в этом процессе. Проведенный анализ позволяет глубже понять особенности саморегуляции образа труда и его роли в формировании отношения молодежи к труду. Сделаны выводы об изменениях образа труда в направлении более гибких форм, часто зависящих от морально-психологического состояния молодых людей, что проявляется в их отношении к труду. Показана связь моделей саморегуляции, основанных на терминальных и инструментальных ценностях труда с «адаптационным» и «духовным» типами культуры.

Ключевые слова: молодежь, труд, образ труда, саморегуляция, культурное пространство, социокультурный механизм саморегуляции, смыслы, терминальные и инструментальные ценности труда, доверие и недоверие, ожидания.

Введение

Глобальные социальные и экономические изменения затрагивают сферу труда, существенно изменяя само пространство трудовой деятельности. Изменяется рынок труда, исчезают не просто отдельные профессии, но их целые блоки; разработки в области искусственного интеллекта угрожают обесцениванием человеческого труда и одновременно повышают значимость творческого начала личности; возрастает уровень образования и вместе с тем остается противоречие между уровнем подготовки людей и новыми требованиями быстро изменяющегося профессионального ландшафта. Можно ли социально и профессионально выжить в этих условиях? Кто будет востребован и что нужно для того, чтобы не выпасть из профессионального поля? Как встроиться в текущие и грядущие изменения и каким образом они будут регулироваться? Наконец, главный вопрос: кто является основным субъектом регуляции?

Регулирование жизнедеятельности во многом представляет собой саморегуляцию, которая в современных условиях неопределенности, эмансипации и индивидуализации все чаще доминирует над целенаправленной регуляцией. И, хотя общество в лице своих институтов по-своему противостоит неопределенности,

главное слово за самими молодыми людьми. Ориентируясь на представления об успешной жизни, статусе и перспективах, они делают свой выбор в трудовой сфере, конструируют и регулируют свои трудовые стратегии.

Трудовая биография современного молодого человека – череда актов выбора, представляющая собой многоуровневую субъектную саморегуляцию, в основе которой представления о реальности трудовых отношений, обобщенные образы труда и разных его аспектов. Осмысливаемые и эмоционально переживаемые, формирующиеся часто не из собственного опыта, а посредством рефлексии опыта других, они становятся основой обобщенного образа труда и влияют на его ценность.

Представления о труде формируются в определенном культурном пространстве, в котором протекает жизнедеятельность разных групп молодежи. Оно наполнено разнообразными идеями, смыслами, ценностями, которые, будучи соотнесенными со своими ожиданиями, получив подтверждение или опровержение, встраиваются в образ реальности. Поэтому все, что происходит с молодыми людьми в трудовой сфере, в более общем плане может рассматриваться как смысловая проекция культуры.

Источником базовых смысловых конструкций являются содержащиеся в культуре и отраженные в коллективном бессознательном архетипические образы [1]. Как продукт исторической эволюции общества, архетипы отражаются в народной мудрости, в форме пословиц, поговорок, былин, мифов, передаваемых из поколения в поколение. В процессе социальных взаимодействий они преобразуются в осознанные формы. Взаимодействуя с другими элементами механизма саморегуляции (смысложизненными ценностями, типами культуры и т.д.), они становятся общим культуuroобразующим основанием направленности формирования образа труда и задают базовую основу смысловой саморегуляции.

Процесс смены поколений — не только воспроизводство, но и постоянное переосмысление опыта, что является источником новых представлений молодежи о труде, а значит, иных ожиданий. Сконструированные новые смыслы возвращаются самой практикой взаимодействия молодежи с современными социальными посредниками, их контактом с современной глобальной культурой. Апробированные в интересующих взаимодействиях, они также участвуют в формировании образа труда.

Наследуемые традиционные и формируемые современные ценности находятся в состоянии, отражающем единство и борьбу противоположностей в смысловом поле культурного пространства молодежи. Конкретизируясь в столкновении формальных и неформальных норм, провозглашаемых институциональных и групповых целей трудовой деятельности, смысложизненных и утилитарных ценностей, это противоречие определяет специфику культурного пространства молодежи, определяя образ труда.

Таким образом, проблема заключается в противоречиях формирования у молодежи образа труда в изменяющемся культурном пространстве. Исходя из этой наиболее общей проблемы целью исследования статьи было изучение особенностей саморегуляции образа труда в связи с компонентами культурного пространства молодежи. С этой целью проведен анализ связи архетипов, смысложизненных ценностей, типов культуры как основных элементов социокультурного механизма саморе-

гуляции и компонентов культурного пространства молодежи с пониманием смысла труда, а также его связи с поведенческими установками молодежи.

Методология исследования

В теоретическом обосновании механизма саморегуляции образа труда в культурном пространстве молодежи мы опирались на понимание исторической роли культуры в формировании определенного типа личности. Культура выступает в качестве основания смыслового содержания представлений молодежи об образах реальности, наполняя их моральным, идейным содержанием.

Саморегуляция, проявляющаяся в социальном конструировании и переконструировании реальности, в моделировании индивидуальных биографий, в выработке новых ценностных ориентиров, в выборе адекватных форм поведения, рассматривается в феноменологической парадигме (А. Шюц). Формирование архетипических и ментальных компонентов культуры в коллективном бессознательном, являющееся результатом воспроизводства прошлого опыта, разрабатывается в психоаналитической парадигме (К. Юнг).

В парадигме понимающей социологии М. Вебера выделены две основные модели отношения к социальной реальности — традиционная и современная. В них отражается специфика формирования представлений об образе объектов реальности. Для традиционной модели характерны преимущественно, общепринятые представления, основанные на житейском опыте, укоренившиеся в повседневной жизни. Сформировавшиеся исторически, они наследуются от поколения к поколению. В современной модели отношение к объектам реальности строится на основе рационально осмысленного представления об их характеристиках как средствах достижения целей собственной жизнедеятельности.

Смыслообразование, формирование смыслового поля культурного пространства обосновывалось исходя из концепций Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и др.

Для эмпирического анализа используются результаты трех исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством авторов. Исследование 2011 года проведено среди населения РФ в возрасте

старше 18 лет в 13 субъектах РФ, в 67 населенных пунктах. Опрошено 1300 чел., выборка молодежи в возрасте 18–29 лет составила 301 чел. Исследование 2014 года проведено среди населения РФ в возрасте старше 15 лет в 13 субъектах РФ, в 65 населенных пунктах. Опрошено 1459 чел., выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 401 чел. Исследование 2017 года проведено в 7 субъектах РФ, в 28 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 803 чел.

Опросы проводились Институтом общественного мнения «Квалитас» под руководством Н.А. Романович методом личного интервью по месту жительства респондентов.

1. Социокультурный подход к саморегуляции образа труда

В механизме социального регулирования выделяются две стороны, одна из которых связана с целенаправленной регулятивной деятельностью социальных институтов, а другая — с процессами индивидуальной и групповой саморегуляции. Под саморегуляцией понимается «деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые» [2, с. 141].

Понимаемая как воздействие индивидов и групп на себя и свою жизнедеятельность с целью реализации собственных социальных ожиданий, саморегуляция имеет непосредственное отношение к самостоятельному конструированию жизненных стратегий в ключевых сферах жизнедеятельности. В таком качестве саморегуляция является формой становления субъектности молодежи как способности «выступать в качестве активного начала (деятели, творца) социальной реальности» [3, с. 146].

В основе саморегуляции лежат конструируемые образы объектов реальности как совокупности смысловых *представлений* об их сущности, соотносимые с собственными ожиданиями от взаимодействия с этими объектами. «Представление, — пишет Б.Ф. Ломов, — это не тень ощущений и восприятий, не их ослабленный дубликат, а обобщенный образ предметов и явлений объективной действительности» [4, с. 167].

Сложившиеся представления о значимости, важности и доступности определяют характер отношения к объектам реальности. Осознание себя активным субъектом собственной жизнедеятельности сопровождается формированием соответствующего отношения к объектам реальности и тем сферам, в которых молодые люди конструируют свои жизненные траектории. Поэтому отношение становится аккумулятором *представлений о сущности* объектов реальности и *возможностях* реализации групповых и индивидуальных интересов в процессе становления своей субъектности. Отношение к труду проявляется в ожиданиях молодых людей от труда, а ожидания отражаются в характеристиках конструируемого ими образа труда, как бы наполняя их собственным смыслом.

С теоретических позиций феноменологии сущность смысла раскрывается через понятие «жизненный мир», по определению А. Шюца, мир человеческого опыта, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и в свою очередь подвергаются нашему воздействию» [5, с. 116]. Представляя собой индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, личностный смысл, которым наделяются объекты реальности, отражает ее субъективные образы. В основе формирования образа лежит его *смысл* как представление о сущности, без которого, как отмечает С.С. Аверинцев, «образ рассыпается» [6, с. 387].

Оперируя понятием смыслового поля при изучении механизма смысловой регуляции деятельности, Л.С. Выготский подчеркивал важность осознания человеком актуальной ситуации своего поведения. При осмыслении ситуации в процессе деятельности смысловое поле и сами действия могут изменяться [7, 8]. По А.Н. Леонтьеву, «сознательный смысл», которым обладает человек, в свою очередь, опосредован феноменом общественного сознания и значениями как элементами этого сознания [9; 10]. Поэтому важной особенностью личностного смысла является производность его содержания от социальной позиции человека в системе общественных отношений. Существенную

роль в этом процессе играют место индивидов и групп в системе взаимодействий в конкретной сфере, связанные с ним возможности и ограничения, основания стратификации и степень неравенства, перспективы социальной мобильности и реализации ожиданий.

В молодежной среде разнообразие смыслов особенно заметно в силу глубокой социальной дифференциации, обусловленной экономическими условиями жизнедеятельности в регионах, различиями в структуре производства и рынка труда, драматичными разрывами в уровне его оплаты. Эти факторы неравенства дополняются мотивационными различиями, в которых далеко не последнюю роль играют социальные установки, ожидания, индивидуальные и групповые представления об уровне и качестве жизни, смысло-жизненные ценности, наконец. Кроме того, в процессе осмысления, помимо интеллектуальных процессов познания действительности и ее осмысления, присутствует и эмоциональный компонент, на основе которого возникает переживание. Все это воплощается в конструировании молодыми людьми образа реальности в целом, в т.ч. образа труда.

«Принципиальное значение понятия „смысл“, – заключает И.И. Квасова, – в том, что оно выводит объяснение за пределы индивидуального сознания, в плоскость реальной жизнедеятельности субъекта» [11, с. 35]. Смысл труда определяет представление о труде в некоторой целостности, связывая его с более широким пластом реальности. Этим определяется особая роль смысла как коррелята понимания, в котором сходятся идеальное представление о труде и реальное его состояние. Понимание молодым человеком смысла (значения) труда не ограничивается отношением к конкретной работе. Оно связано со многими аспектами его жизнедеятельности – с образованием, социальным статусом, карьерой, отношениями в ближайшем окружении, образом жизни. Так в сознании складывается образ труда, в котором представления о его сущностных характеристиках результируются в обобщенной форме на основе значимого и устойчивого смысла (идеи).

Характер и содержание смыслов, придаваемых молодыми людьми конструируемому ими образу, отражают исторический опыт и знания, в основном теоретические, накопленные в

культуре, а также обыденные знания и опыт, содержащиеся в повседневных взаимодействиях с близким окружением. Интерсубъективные взаимодействия становятся тем механизмом и одновременно социальным пространством, в котором циркулируют представления, формируются и передаются смыслы. Смысловые образцы и возникающие на их основе социальные взаимодействия выступают основанием формирования культурного пространства.

Если социальное пространство понимается как совокупность структурированных и упорядоченных социальных позиций, как сцена, на которой разворачивается взаимодействие социальных акторов, отличающихся различными статусами [12; 13, с. 329], то культурное пространство – совокупность идей, на основе которых формируются образы. Представление социального пространства как совокупности социальных смыслов позволяет выделить общие смысловые форматы социальной жизни, формы организации повседневного опыта – «фреймы» [14; 15]. Исходя из этого основными элементами культурного пространства являются образцы культуры, формирующиеся и сохраняющиеся в коллективном бессознательном в форме архетипов и ментальных черт национального характера, габитуальных установок и образующихся на их основе социальных практик. А также многообразные формы современной культуры, порождаемые глобальными межкультурными взаимодействиями. Они выступают основой различных типов культуры и в совокупности образуют социокультурную среду обитания молодежи. В этом смысле культурное пространство есть «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм и т.д.» [16, с. 39].

В культурном пространстве реализуется интеграционная функция культуры, направленная на объединение молодых людей, отверженных различным ее типам. Проявляясь в самоидентификации молодых людей с группой и со своим поколением, культурная интеграция способствует объективации смыслов, лежащих в основе саморегуляции жизнеде-

тельности. Смыслы, разделяемые другими, приобретают в сознании молодого человека более обоснованную форму, придавая ему уверенность в правильности конструируемого образа реальности.

Типы культуры, образующие культурное пространство, выступают в качестве смысловых оснований в формировании соответствующих ожиданий молодых людей от труда. Отражаясь в характеристиках конструируемого образа труда, ожидания по существу являются неким ориентиром, с которым молодой человек сравнивает реальные возможности, реализуемые в труде. Реализованные ожидания проявляются в доверии труду как социальному институту, позитивно отражаясь и в мотивации труда, и в трудовой мобильности, и в удовлетворенности трудом. Сужение возможностей реализации ожиданий в сфере труда, формирование образа труда как тяжелого, незащищенного, отчужденного и бессмысленного снижает доверие и заинтересованное отношение к труду со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, отношение молодежи к труду является результатом индивидуальной и групповой конструкции и формируется на основе представлений о том, каким должен быть труд и каким он является, исходя из актуального знания и жизненного опыта. Поэтому саморегуляция проявляется в конструировании молодыми людьми образа труда, представляющего собой отражение в групповом и индивидуальном сознании его смысла, функций и собственных перспектив в связи с трудом.

2. Изменяющаяся реальность как условие конструирования образа труда

Формирование представлений о труде современной молодежи происходит в условиях изменяющейся социальной реальности. Многочисленные объекты социальной реальности – социальные группы, общности, организации, институты, а также объекты, образующие культурное пространство жизнедеятельности молодежи, пребывают в постоянном изменении. Внутри них непрерывно протекают какие-то процессы, что-то меняется под влиянием как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) факторов. Соответственно изменяется и конструируемая социальная реальность.

В понимании изменений социальной реальности в социологическом смысле акцент делается на понятии «социальное». Имеются в виду не любые изменения, происходящие в обществе, а социальные причины и последствия этих изменений, которые нашли отражение в обычном сознании людей в процессе их социальных взаимодействий. То есть в основе изменений социальной реальности лежат социальные изменения, под которыми понимаются «различные перемены, происходящие в течение некоторого времени в социальных общностях, группах, институтах, организациях и обществах, в их взаимоотношениях друг с другом, а также с индивидами»¹. Взаимодействуя друг с другом в изменяющихся структурах общества и получая новые знания об их реальном состоянии, молодые люди корректируют сложившиеся образы объектов социальной реальности, претерпевающих изменение, и свое отношение к ним (субъективную реальность).

Как было отмечено, изменение субъективной реальности подразумевает ее реинтерпретацию, наделение прошлого и настоящего другим смыслом. Появление новых смыслов приводит к изменению в структуре социальных ожиданий. Данный процесс П. Бергер и Т. Лукман называют ресоциализацией, в которой «прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности» [17, с. 263]. Через ресоциализацию феноменология объясняет трансформацию субъективной реальности и особенности ее объективации в переходных условиях. Предшествующие исследования достаточно убедительно показали, каким образом меняется социальная реальность. Во-первых, путем *изменения содержания смысловых значений в традиционно существующих формах*. Под традиционно существующими формами подразумеваются привычные понятия, которые используются в повседневной жизни, но смысл которых меняется под влиянием новых условий жизни и труда. Прежнее их понимание уступает новым смыслам, изменяющим, по существу, их содержание. Во-вторых, *посредством рационализации способов реализации ожиданий, возникающих в образе объекта реальности*.

¹ Социология. Основы общей теории: учеб. пос. / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 317.

Вместо прежних способов реализации ожиданий появляются новые, более рациональные с точки зрения оптимизации результата (скорости и качества), одобряемые значительной частью молодых людей [18, с. 185-189].

Эти процессы связаны с более общими трендами, как источниками жизненного опыта и представлений как обобщенных образов.

Прежде всего, это ускорение социально-экономических изменений и сопутствующая им неопределенность. Она проявляется в деконструкции устойчивых образцов, размытости структур и паттернов поведения, отсутствии прямых детерминаций между действиями и ожидаемыми результатами, стирании грани между свойствами и состояниями структур — экономики, рынка труда, профессиональных групп — в силу возрастания доли случайного в их функционировании. Такие условия препятствуют формированию у молодого человека четкой картины реальности и осмысленному выбору трудовой стратегии.

Неопределенность имеет непосредственное отношение к состоянию механизмов социальной регуляции — ослаблению их институциональных оснований и расширению неинституциональных, сжиманию пространства целенаправленной регуляции и экспансии саморегуляции. Это означает повышение роли субъектности индивидов и групп, индивидуального выбора молодежи, регулятором которого выступают собственная смысловая структура, представления об удачной жизни, карьере, профессиональных достижениях, статусе и т.д. При этом необходимо учитывать, что формирование нескольких поколений молодежи протекает в условиях деконструкции нормативности и неоднозначности представлений о труде и сценариях трудовой биографии. Возникающие новые представления и смыслы отличаются мягкостью, многозначностью, необязательностью. Труд далеко не для всех является центральным звеном жизнедеятельности, понимание его значимости различается в разных группах молодежи. Поэтому социальная саморегуляция связана с деконструкцией одних смысловых образцов трудовых отношений и формированием новых.

Изменение смысла труда и механизмов его регулирования стало предпосылкой новых форм организации взаимодействий в трудовой сфере между работником и работодателем, внутри трудовых коллективов и закономерно отразилось на положении молодежи и выборе форм трудовой жизни: от отчаянного стремления включиться, прежде всего, в построение карьеры, достижение высокого профессионального статуса до эскапизма и дауншифтинга [19, 20]. А поиск гибких способов саморегуляции трудовой жизни служит основой развития новых форм занятости, включая самозанятость, фриланс и т.д. [21, 22], что, с одной стороны, одновременно расширяет свободу конструирования трудовых стратегий и отражает процессы эмансипации как избавление от жестких институциональных ограничений, а с другой — значительно усиливает риски. Гибкость рынка труда и его структурных составляющих имеют оборотную сторону в виде неустойчивости занятости — прекаризации [23; 24; 25; 26; 27], не защищенной трудовыми договорами и обязательствами, порождающей новую неопределенность; ее преодоление — индивидуальный и групповой слалом и серфинг, эффективность которого в отсутствие надежных форм социальной защиты носит, скорее, случайный характер. Распространение этих практик в массовом масштабе отражает различные способы дискриминации молодежи, расширяет её социально уязвимые группы, приводит к их отчуждению и маргинализации. Отражение этих особенностей состояния трудовых отношений в сознании молодежи через ее актуальный опыт и знание расширяет смысловую картину реальности. Соотнесение ее с собственными социальными ожиданиями формирует неоднозначный образ труда и отношение к нему как объекту реальности.

Переосмысление и перетолковывание, придание иных смыслов трудовой деятельности отражает процесс изменения реальности. Вместе с тем изменение образов — развернутый во времени процесс интериоризации и конструирования новых смыслов, протекающий на фоне инерции и воспроизводства базовых, традиционных оснований культуры. Исторически сформированные и узнаваемые черты образа

труда прочитываются в представлениях молодежи, создавая феномен гибридизации как одного из наиболее характерных признаков современного российского общества.

Таким образом, изменение является имманентным свойством социальной реальности, а сама изменяющаяся реальность отражается в культурном пространстве молодежи в формировании современных образов и представлений, т.е. смыслов. В ситуации открытой реальности, связанной с отсутствием устойчивого социального регулирования и необходимостью ее индивидуального конструирования, решающую роль играют групповой опыт и модели поведения, апробированные практикой. Одновременно с этим сосуществуют и воспроизводятся традиционные смысловые образцы, отражающие инерцию исторически обусловленных культурных паттернов, занимающих свое собственное место в механизме саморегуляции. Такая реальность отмечена постоянным обновлением социокультурных образцов, плюрализмом норм и допустимостью любых ее конфигураций; «временным дисхронозом», а также сосуществованием разных «темпомиров», когда нормативные представления разных групп соотносятся с различными типами социального времени [28]. Через их противоречивое взаимодействие выстраиваются актуальные образы реальности.

3. Социкультурная саморегуляция образа труда: эмпирический анализ

Опираясь на результаты исследований, проанализируем, как молодежью осуществляется саморегуляция образа труда. Исторически сформировавшиеся представления о труде содержатся в пословицах и поговорках, в которых сохраняются архетипы труда в коллективном бессознательном. В вопросе «Какая из перечисленных пословиц больше соответствует Вашей

жизненной позиции?» анализировались следующие пословицы, содержащие альтернативные представления об отношении к труду: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда» или «Работа дураков любит», а также «Труд человека кормит, а лень портит» или «Ешь – потей, работай – зябни». Ответы молодежи в разных возрастных группах представлены в *таблице 1*.

Выбор из предложенных альтернатив большинством респондентов пословиц, отражающих архетипы с позитивным смыслом труда, свидетельствует о соответствующей направленности конструируемого молодежью образа труда. Их доля возрастает с повышением возраста. Вместе с тем существует достаточно устойчивая часть молодежи, согласившаяся с пословицами, в которых отражаются архетипы негативного отношения к труду. Подобные архетипы труда исторически являлись следствием сословной природы отношения к нему. Физический труд воспринимался как недостойный для свободного человека, заниматься им считалось делом постыдным, что нашло отражение и в пословицах, и в художественной литературе. В современных условиях негативное отношение к труду наполняется новыми смыслами. Беспрецедентное расслоение по уровню жизни способствовало деструкции нормативности как таковой и однозначных представлений о трудовой биографии как единственной норме. Труд более не рассматривается как безусловная норма, а нетрудовая биография перестала быть однозначной девиацией. Поэтому отказ от труда становится одним из вариантов биографии в случае, если он не соответствует ожиданиям. Вновь получают распространение «аристократическая брезгливость» по отношению к труду, праздность творческого образа жизни, появление среди молодежи субкультуры исключительности –

Таблица 1. Архетипы труда в коллективном бессознательном молодежи

Возраст	Распределение ответов на поставленный вопрос, в % от числа ответивших			
	Без труда не вынешь и рыбку из пруда	Работа дураков любит	Труд человека кормит, а лень портит	Ешь – потей, работай – зябни
15–17 лет	77,8	22,2	87,3	12,7
18–24 года	83,7	16,3	87,4	12,6
25–29 лет	85,8	14,2	87,2	12,8
Средние значения	82,4	17,6	87,3	12,7

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г.

молодых людей, демонстративно презирающих общественные нормы, в т.ч. и в отношении к труду.

Выбрав пословицы «Работа дураков любит» и «Ешь – потей, работай – зябни», почти каждый пятый молодой человек (17,6%) признает труд недостойным для себя, а каждый десятый (12,7%) продемонстрировал пренебрежительное отношение к нему. Соответственно различные смыслы, исторически сформировавшиеся в архетипах труда, а также их современная модернизация отражаются в понимании молодыми людьми его сущности.

Понимание сущности труда раскрывается в ответах на вопрос «В чем для Вас смысл труда?». Варианты ответов отражают ценностное отношение к труду. Труд как терминальная ценность определялся набором смысловых значений: ощущение своей полезности, внутренняя потребность, творчество. А инструментальное отношение к труду – набором следующих смысловых значений: возможность заработать, вынужденная необходимость, общение. Проанализируем связь позитивно и негативно направленных архетипов (средние значения связи по каждой пословице) с ценностью труда (табл. 2).

Из анализа данных таблицы видно, во-первых, превышение более чем в два раза значения терминальной ценности труда в группах с позитивной направленностью архетипов

(26%) по сравнению с группами с негативной направленностью (11,2%). Терминальная ценность присуща традиционному отношению к труду, в котором он рассматривается преимущественно как источник развития духовных и физических сил самого человека. А во-вторых, явно выражена тенденция инструментализации труда в современных условиях. В данной тенденции отражается влияние нарастающего динамизма, изменчивости, неопределенности современного общества. Меняется рынок труда, трансформируются профессии, пересматривается шкала престижа профессиональной деятельности. В этих условиях возрастает роль саморегуляции трудовых отношений, а инструментальное отношение к труду становится значимым элементом в ее механизме.

Поскольку ценностное отношение к труду имеет социокультурную природу, проанализируем связь типов базовой культуры, образующих культурное пространство молодежи [29; 30, с. 14-19], с ценностью труда (табл. 3). Типологизация культуры основана на теории социальной и культурной динамики П.А. Сорокина [31].

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о более тесной связи всех анализируемых типов культуры с инструментальным отношением молодежи к труду (среднее значение = 60,1%), чем с терминальным (39,9%).

Таблица 2. Связь архетипов с ценностью труда

Архетипы	Связь с ценностью труда, в % от числа ответивших	
	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Позитивная направленность	26,0	74,0
Негативная направленность	11,2	88,8

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г.

Таблица 3. Связь типов базовой культуры с ценностью труда

Типы базовой культуры	Связь с ценностью труда, в %	
	с терминальной	с инструментальной
Духовная культура	47,4	52,6
Инновационная культура	39,5	60,5
Культура физического развития	44,4	55,6
Гедонистическая культура	38,2	61,8
Адаптационная культура	31,2	68,8
Культура моральной аномии	38,4	61,6
Средние значения	39,9	60,1

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.

В наибольшей степени инструментальная ценность труда связана с адаптационной культурой (необходимость экономить во всем, приспособиться к изменяющимся условиям) – 68,8%, а терминальная ценность – с духовной культурой (47,4%). То есть при конструировании образа труда смысловое содержание его характеристик (терминальное или инструментальное) обуславливается принадлежностью молодых людей к определенному типу культуры.

Исторический опыт и знания, накопленные в разных типах культуры, закрепляясь в характеристиках конструируемого ими образа труда, служат смысловым основанием соответствующих ожиданий от реального труда. По степени значимости ожидания распределились следующим образом: адаптироваться к изменяющимся условиям; удовлетворить свои духовные потребности; обеспечить спокойную безбедную жизнь себе и своей семье; служить нормативным основанием (меритократическим критерием) социального продвижения; реализовать собственный инновационный потенциал; удовлетворить потребность в преобразовании себя, в физическом развитии. Посредством ожиданий осуществляется связь конструируемого образа труда с процессом жизнедеятельности в целом.

Рассмотрим, в какой степени формирование образа труда молодежи связано со смыслом ее жизнедеятельности. Для этого проанализируем

связь смысложизненных ценностей с ценностным отношением молодежи к труду (табл. 4).

Данные таблицы свидетельствуют о преимущественной связи большинства смысложизненных ценностей с инструментальными ценностями в образе труда молодежи. Причем наиболее значимые связи прослеживаются со следующими смыслами жизни: с политической борьбой (за власть) – 71,9%; со спокойной безбедной жизнью – 66,4%; с продолжением себя в будущих поколениях – 61,3%. И в меньшей степени – с любовью – 54,9% и с проявлением своей индивидуальности (с самореализацией) – 53%. Лишь стремление к истине и борьба за справедливость, как смысложизненные ценности, больше связаны с терминальными ценностями в образе труда. То есть инструментальное отношение к труду, как к возможности заработать, как к вынужденной необходимости или как к общению, отражает соответствующее понимание молодыми людьми смысла жизни. Следовательно, в изменяющейся реальности актуализируются более рациональные представления молодежи о смысле жизни, что проявляется и в инструментализации ценностей в образе труда, и в направленности ее жизнедеятельности.

Для подтверждения данного вывода проанализируем, как связаны ценности труда с выбором молодежью жизненных стратегий и моделей поведения (табл. 5).

Таблица 4. Связь смысложизненных ценностей с ценностью труда

Смыслы жизни	Связь с ценностью труда, в %	
	с терминальной	с инструментальной
Стремление к истине	54,1	45,9
Любовь	45,1	54,9
Борьба за справедливость	50,9	49,1
Спокойная безбедная жизнь	33,6	66,4
Политическая борьба (за власть)	28,1	71,9
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	47,0	53,0
Продолжение себя в будущих поколениях	38,7	61,3

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.

Таблица 5. Связь ценностей труда с жизненными стратегиями и моделями поведения молодежи

Ценности труда	Связь с жизненными стратегиями (К)*	Связь с моделями поведения (К)
Терминальная	4,73	4,89
Инструментальная	5,39	5,08

* К – средневзвешенный коэффициент по семибальной шкале оценок.
 Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.

Предпочтения молодежи при выборе жизненных стратегий оценивались по семибалльной шкале между следующими альтернативами: изменение, принимаемое за единицу, и постоянство, принимаемое за 7 баллов. В выборе моделей поведения за единицу принималось предпочтение экстрима и риска, а за 7 баллов – уверенности и предсказуемости.

Из данных таблицы следует, что сторонники и терминальной, и инструментальной ценности труда отдают предпочтение постоянству в выборе жизненной стратегии, а также уверенности и предсказуемости в выборе модели поведения. Причем среди сторонников инструментальной ценности труда оценки значительно выше ($K=5,39$ и $5,08$), чем среди сторонников терминальной ценности ($K=4,73$ и $4,89$). Поэтому в более значимом стремлении сторонников инструментальной ценности труда к постоянству и к предсказуемости, в выборе жизненной стратегии и модели поведения содержится подтверждение вывода о рационализации в молодежной среде и отношения к труду, и жизнедеятельности в целом.

Рассмотрим, как ожидания, содержащиеся в конструируемом образе труда, проявляются в отношении молодежи к собственному труду. Ответы на вопрос о том, что ожидают работающие молодые люди от труда, распределились следующим образом: достойного заработка – 77,5%, интересной творческой работы – 37,9%,

профессиональной самореализации – 37,3%, ощущения собственной полезности – 24,9%, обеспечения элементарных средств для существования – 15,5%, самоутверждения в коллективе – 18,4%, возможности для предпринимательской деятельности – 10,1%². Как видно, ожидания конкретизировались по сравнению с социокультурными смыслами в конструируемом образе труда, приобретая форму требований к конкретному труду.

Проанализируем, насколько связаны ожидания от труда (требования, предъявляемые к труду) с отношением к нему (табл. 6).

Анализ данных, представленных в таблице, свидетельствует о наличии устойчивой связи между ожиданиями молодежи от труда и ее отношением к труду. Отношение к труду оценивалось на основе ответов на вопрос «В какой мере перечисленные качества присущи в трудовых отношениях представителям Вашего поколения?». Перечисленные качества интерпретировались как этические нормы отношения к труду. В таблице приводятся значения ответов «присущи в полной мере».

В наибольшей степени практически все анализируемые ожидания связаны с ответственным отношением к труду (от 41,3 до 50%), которое большинство ответивших, с одной стороны, признает в качестве максимально достигнутого уровня их реализации, а с другой – как приоритетное условие реализации ожи-

Таблица 6. Связь ожиданий от труда (требований, предъявляемых к труду) с этическими нормами отношения к труду

Ожидания (требования, предъявляемые к труду)	Этические нормы отношения к труду, присущие молодежи в полной мере, в %						
	Трудолюбие	Взаимопомощь	Ответственность	Бережливость	Принцип каждый за себя	Чувство свободы	Самоотдача в труде
Самореализация	9,8	38,0	41,3	27,3	36,4	29,8	37,9
Интересная работа	37,1	37,9	48,4	32,3	39,5	43,5	35,5
Возможность для предпринимательства	34,4	34,4	50,0	37,5	56,2	40,6	34,4
Самоутверждение в коллективе	32,8	41,0	45,9	29,5	39,3	37,7	37,7
Достойный заработок	38,4	33,6	44,4	28,4	38,0	35,6	34,0
Ощущение собственной полезности	45,0	40,0	45,0	28,8	31,2	33,8	40,0
Обеспечение элементарных средств для существования	42,0	44,0	46,0	34,0	34,0	30,0	38,0

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2014 г.

² В сумме больше 100%, т.к. допускалось не более трех вариантов ответов.

даний. Данный вывод подтверждается высоким уровнем связей следующих ожиданий от труда: профессиональной самореализации с взаимопомощью (38%) и с самоотдачей в труде (37,9%); интересной, творческой работы с чувством свободы и независимости ни от кого (43,5%); возможности для предпринимательства с принципом «каждый за себя» (56,2%); самоутверждения в коллективе с взаимопомощью (41%); достойного заработка с трудолюбием (38,4%) и с принципом «каждый за себя» (38%); ощущения собственной полезности с трудолюбием (45%); обеспечения элементарных средств для существования с взаимопомощью (44%).

Таким образом, отношение молодежи к труду зависит от степени реализации ожиданий, в которых отражаются смыслы, содержащиеся в характеристиках конструируемого молодыми людьми образа труда. Результаты исследования показывают, что эти ожидания полностью реализовались лишь в 13,8% случаев, скорее реализовались в 46,3%, скорее не реализовались в 25,4%, не реализовались в 7,6% случаев, затруднились с ответом 6,9% респондентов. Следовательно, каждый третий (32,9%), чьи ожидания в разной степени не реализовались, склонен не доверять труду.

Рассмотрим, как возникает недоверие труду и какую роль оно играет в анализируемом процессе. В образной форме отражения объекта реальности содержится не только рациональное понимание его природы, но и эмоциональное

отношение к нему. В конструировании образа труда содержательные аспекты эмоциональности отражают отношение к его характеристикам, имеющим особое значение для молодого человека. Связывая с ними свои ожидания от труда, он эмоционально переживает возможность или невозможность их реализации. Насколько нереализованные ожидания от труда влияют на социальное самочувствие молодых людей, можно судить по степени их связи с ответами на вопрос «В какой степени отражают Ваше состояние за прошедший год нижеперечисленные чувства?». Было получено следующее распределение связей: с надеждой на улучшение (66,2%), с уверенностью и безопасностью (38,3%), с тревогой (30,9%), с возмущением (30,8%), с растерянностью (20,6%), со страхом и отчаянием (17,7%), с безразличием (16,3%)³. Хотя большинство молодежи в ситуации нереализованных ожиданий от труда сохраняет надежду и уверенность, значительная ее доля испытывает чувства тревоги, возмущения, растерянности, страха или безразличия. То есть возникающее недоверие труду сопровождается существенными изменениями социального самочувствия молодежи, которые в свою очередь отражаются на ее отношении к труду как к терминальной или инструментальной ценности.

Проанализируем, как изменяется характер связи базовой культуры с ценностью труда в зависимости от состояний – уверенности и безопасности, с одной стороны, страха и отчаяния – с другой (табл. 7).

Таблица 7. Связь типов базовой культуры с ценностью труда в зависимости от морально-психологического состояния молодежи

Типы базовой культуры	Ценность труда, в зависимости от состояния:			
	уверенности и безопасности, в %		страха и отчаяния, в %	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Духовная культура	42,3	57,7	52,4	47,6
Инновационная культура	43,8	56,2	56,0	44,0
Культура физического развития	45,6	54,4	54,2	45,8
Гедонистическая культура	44,4	55,6	51,0	49,0
Адаптационная культура	39,8	60,2	57,1	42,9
Культура моральной анонии	41,4	58,6	55,0	45,0
Средние значения	42,8	57,2	54,3	45,7

Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.

³ В сумме больше 100%, т.к. ответы оценивались по каждому анализируемому чувству.

Из анализа данных таблицы становятся очевидными следующие тенденции. Во-первых, представленные средние значения терминальных и инструментальных ценностей труда, отражающих связи различных типов культуры с отношением молодежи к конкретному труду, заметно изменяются по сравнению со средними значениями связей, отражающих конструируемый образ труда (см. табл. 3). Особенно заметны изменения значений связи типов культуры с ценностью труда в зависимости от состояния страха и отчаяния. По сравнению с образом труда средние значения связи с терминальными ценностями возросли с 39,9 до 54,3%, а с инструментальными ценностями снизились с 60,1 до 45,7%. Исходя из социокультурного подхода, отношение к конкретному труду, т.е. тому трудовому опыту, который имеет молодой человек, оценивается на основе более общих представлений о сущности труда как явления (обобщенного образа). Соответствие ожидаемых характеристик труда и реальных служит смысловым основанием для позитивного отношения к труду, фактически доверия к труду как основанию жизнедеятельности. И, наоборот, несоответствие ожиданий реальному состоянию труда становится основанием для негативного его образа и недоверия.

Во-вторых, все анализируемые типы базовой культуры в зависимости от морально-психологического состояния респондентов изменяют направленность своего влияния на ценность труда. Причем в связи с состоянием уверенности и безопасности респондентов возрастают значения инструментальной ценности труда (среднее значение = 57,2%) по сравнению с терминальной ценностью труда (42,8%). А в зависимости от состояния страха и отчаяния респондентов, наоборот, значения терминальной ценности труда выше, чем инструментальной (среднее значение = 54,3% против 45,7%). То есть в состоянии уверенности и безопасности активизируется современное рациональное отношение к труду, а в состоянии страха и отчаяния — традиционное самоценное отношение.

Значимую роль в этой зависимости играет доверие или недоверие труду, о чем можно судить по характеру связи анализируемых морально-психологических состояний молодежи с реализацией ожиданий от труда. Среди молодежи, оценившей свое состояние как «уверенность и

безопасность», в разной степени не реализовались ожидания от труда в 23,3% случаев, а в противоположной группе — среди оценивших свое состояние как «страх и отчаяние» — не реализованными оказались 43,5% ожиданий, поэтому уровень недоверия труду значительно выше.

Отсюда следует, что связь культуры с ценностями труда молодых людей опосредуется морально-психологическим состоянием, которое выполняет значимую регуляционную функцию. С одной стороны, оно как бы компенсирует недостаток активности молодежи в относительно благополучном состоянии — уверенности и безопасности, влияя на повышение значимости инструментальных ценностей. А с другой — восполняет утрату определенности в кризисном состоянии — страха и отчаяния — повышением значимости терминальных ценностей.

В механизме саморегуляции этот процесс выглядит следующим образом. Анализируемые типы базовой культуры воспроизводят в различных сферах жизнедеятельности молодежи, в т.ч. и в труде, как традиционные терминальные ценности, так и современные инструментальные. Это находит отражение в конструируемом образе труда. В стабильных условиях, способствующих самоощущению уверенности и безопасности в молодежной среде, значение терминальных ценностей, направленных на сохранение устойчивости во взаимодействиях молодых людей, ослабевает. Их влияние вытесняется более рациональными современными инструментальными ценностями.

Противоположные процессы происходят в условиях неопределенности и риска в молодежной среде, сопровождающихся состоянием тревоги, возмущения, страха и отчаяния. Возможность преодоления этих состояний молодые люди видят в возвращении к традиции, актуализируя влияние терминальных ценностей. Актуализация терминальных или инструментальных ценностей в различных типах базовой культуры осуществляется посредством рефлексии доминирующих морально-психологических состояний в культурном пространстве различных групп молодежи.

Проследим, как изменялось соотношение терминальных и инструментальных ценностей в образе труда молодежи за последние годы (табл. 8).

Таблица 8. Изменение соотношения терминальных и инструментальных ценностей труда, 2011–2017 гг.

Год	Ценности труда, в %	
	Терминальная	Инструментальная
2011	23,8	76,2
2014	31,1	68,9
2017	39,7	60,3

Источник: составлено по результатам трех исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011, 2014 и 2017 гг.

В тенденции роста терминальной ценности труда отражается изменение морально-психологического состояния молодежи в связи со снижающимся в этот период уровнем жизни в стране. Причиной явилась неэффективная экономическая политика в условиях кризиса и санкций, одним из последствий которых стала низкая эффективность труда. На фоне общего снижения заработной платы дефицитными становятся наиболее оплачиваемые сферы трудовой деятельности. В этих условиях молодые люди начинают дорожить любым трудом, обеспечивающим элементарные средства для существования. Возрастает самооценное, терминальное отношение к труду.

Заключение

Таким образом, в формирующемся отношении к труду, представленном через его образ в сознании молодежи, заложены внутренние противоречия. Образ труда в сознании молодежи одновременно сочетает и позитивные, и негативные черты. Они связаны с историческими особенностями социальных отношений в сфере труда, трудовых практик, большинство из которых не преодолены. В современных условиях они приобретают новое звучание не только под влиянием изменившихся ожиданий молодежи, но и с учетом изменения конкретных жизненных ситуаций.

В саморегуляции трудовых отношений инструментальное отношение к труду становится отражением состояния неопределенности. Рационализация труда, выраженная в его инструментальном значении как средства заработка, является доминирующей чертой образа труда молодежи. Между тем она стала одной из ба-

зовых черт образа труда в родительском поколении. Являясь доминантой ожиданий в сфере труда, этот аспект образа труда, тем не менее, не получает реализации в трудовых практиках не только молодого поколения, но и более старших возрастных групп, что выступает значимым фактором девальвации труда как такового.

Несмотря на доминанту материальных аспектов в сознании молодежи, значимую роль в образе труда играют и другие стороны, связанные с самореализацией. Однако воплотить их в трудовой практике удастся в полной мере лишь каждому восьмому. В сознании современной молодежи формируется стереотип труда как неинтересного, бесперспективного, часто тяжелого и бессмысленного, что разрушительно сказывается и на этических ориентациях, и на морально-психологическом состоянии молодежи.

Саморегуляция образа труда приобретает гибкие формы. Значимую роль в их выборе играет морально-психологическое состояние молодых людей, проявляющееся в доверии или недоверии к труду. Целенаправленное регулирование данного процесса зависит и от форм собственности, и от вида производства, и от характера труда, и от условий в различных сферах трудовой деятельности. При этом эффективность регулирования повышается путем стимулирования адаптационной культуры как основания инструментального отношения молодежи к труду и духовной культуры как базы формирования его терминальной ценности, а также источника уверенности, безопасности и доверия молодых людей.

Литература

1. Юнг К.Г. Психология бессознательного // Собрание сочинений. М.: Канон+, Реабилитация, 2013. 320 с.

2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
3. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
4. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Российская академия наук. Ин-т психологии. М.: Наука, 1999. 349 с.
5. Schütz A. Some structures of the life-world. In: *Collected Papers III*. Den Haag: Nijhoff, 1975. Pp. 116–132.
6. Аверинцев С.С. Собр. соч.: в 4-х томах. Т. 4. Киев, 2005. 448 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1982. 368 с.
8. Кособукова О.В. Развитие представлений о смысле и личностном смысле в отечественной психологии // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-smysle-i-lichnostnom-smysle-v-otechestvennoy-psihologii> (дата обращения: 18.11.2019).
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
11. Квасова И.И. Методология социального познания. М., 2008. 101 с.
12. Филиппов А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. С. 113–151.
13. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия, 2008. № 5. С. 329–335.
14. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 39.
15. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
18. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма-Инфра, 2014. 352 с.
19. Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-trudovoy-deyatelnosti-sovremennyh-daunshifterov> (дата обращения: 23.11.2019).
20. Одегов Ю.Г., Бабынина Л.С. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг. 2018. № 4 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neustoychivaya-zanyatost-kak-vozmozhnyy-faktor-ispolzovaniya-trudovogo-potentsiala-molodezhi-rossii> (дата обращения: 23.11.2019).
21. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Самостоятельная занятость на рынке удалённой работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг. 2016. № 6 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-zanyatost-na-gynke-udalyonnoy-raboty-rasprostranenie-innovatsionnoy-trudovoy-praktiki> (дата обращения: 23.11.2019).
22. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-traektorii-samozanyatyh-professionalov-frilanserov> (дата обращения: 23.11.2019).
23. Голенкова З. Т., Голиусова Ю.В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 3. С. 57–69.
24. Разумова Т.О. Молодежь на рынке труда РФ: преимущества и риски в условиях прекаризации // Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / гл. ред. В.Н. Бобков. М.: Магистр-Пресс, 2015. С. 314–320.
25. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.

26. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, Н.В. Локтюхина, М. Риччери // Экономика региона. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-veroyatnost-i-stepen-neustoychivosti-zanyatosti-s-uchetom-osobennostey-rossiyskogo-gynka-truda> (дата обращения: 27.11.2019).
27. Тихонова Н.Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 167–173.
28. Кравченко С.А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-dinamika-paradoksalnye-razryvy-i-sintezy-sotsiuma> (дата обращения: 23.11.2019).
29. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М.: Экон-информ, 2019. 325 с.
30. Чупров В.И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 14–19.
31. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, руководитель, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5; e-mail: uzubok@mail.ru)

Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, главный научный сотрудник, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Self-Regulation of the Image of Labor in Young People's Cultural Space

Abstract. The idea of the essence of labor is largely socio-cultural, i.e. it is conditioned by a connection with a certain type of culture. Therefore, this article looks into the socio-cultural approach to self-regulation of the image of labor. Self-regulation of the image of labor is investigated in connection with the cultural space of young people. With the help of theoretical positions of phenomenological sociology we substantiate the concept of socio-cultural foundation used by young people to create an image of labor; we describe the process of formation of cultural space, consider a role of different types of culture in the process of formation of the meanings that form the image and act as semantic basis of what young people expect from labor. This approach contributes to a more adequate understanding of how young people form their attitude toward labor and of the contradictions arising in this sphere of life. The way in which young people understand the meaning of labor forms a basis on which the image of labor is created. We substantiate the most significant features of the conditions for the formation of meanings, reflecting the following changes in social reality in modern society – social uncertainty, destruction of normativity, and semantic hybridization. The construction of young people's new ideas about labor takes place through the contradictory interaction between traditional and modern semantic patterns. We use data of sociological studies to analyze the connection between various characteristics of the image of labor and types of culture; we also analyze the influence of terminal and instrumental values in the constructed image of labor on young people's attitude toward actual labor. The mechanism of self-regulation of the attitude toward labor is revealed as a process of realization of expectations, in trust or distrust toward labor. The role of moral and psychological state of young people in this process is shown. The analysis allows us to understand more deeply the features of self-regulation of the image of labor and its role in the formation of young people's attitude toward labor. We

make conclusions about the changes in the image of labor in the direction of more flexible forms that often depend on the moral and psychological state of young people, which is manifested in their attitude toward labor. We show a connection between self-regulation models based on terminal and instrumental values of labor and “adaptive” and “spiritual” types of culture.

Key words: young people, labor, image of labor, self-regulation, cultural space, socio-cultural mechanism of self-regulation, meanings, terminal and instrumental values of labor, trust and distrust, expectations.

Information about the Authors

Yuliya A. Zubok – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Center for Youth Sociology, RAS Institute of Socio-Political Research (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: uzubok@mail.ru)

Vladimir I. Chuprov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Honored Scientist, Chief Researcher, Center for Youth Sociology, RAS Institute of Socio-Political Research (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

Статья поступила 25.11.2019.